

The background of the cover is a light pink color with a subtle, embossed floral pattern. At the top, there are several pink cherry blossoms with green leaves. A purple film strip with white sprocket holes curves across the middle of the cover. Inside the film strip are five small rectangular frames showing romantic scenes: a couple walking away, a couple sitting on a grassy hill, a couple embracing, a couple kissing, and a couple hugging. The title is written in a stylized, dark pink font.

ХАЙКУ НА ДВОИХ

сборник рассказов

Жанна Бочманова

Жанна Бочманова
Хайку на двоих.
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29412847
ISBN 9785449035493

Аннотация

Могут ли что-то изменить в жизни полчаса, проведенные в лифте или неожиданная встреча в терминале аэропорта? А можно ли найти свое счастье, подобрав на улице бездомного котенка или найдя потерянную много лет назад книгу? Веселые и грустные, ироничные и трагичные – эти рассказы о любви, о тех сложных путях, что ведут нас по жизни, переплетая судьбы.

Содержание

Ромео и Джульетты	5
Цуцик	15
Холодильник мечты	27
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Хайку на двоих

Сборник рассказов

Жанна Бочманова

© Жанна Бочманова, 2018

ISBN 978-5-4490-3549-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ромео и Джульетты

Зрительный зал потихоньку заполнялся. Стучали откидные бархатные сиденья, кто-то торопливо совершал последний телефонный звонок, гул множества голосов доносился за кулисы, где в волнении готовились к выходу на сцену артисты. Алена Игоревна, режиссер студенческого театра, взъерошила челку и ободряюще улыбнулась своим ребятам.

– Так, друзья мои, давайте соберемся и сыграем. Так, чтобы Шекспир...

– В гробу перевернулся? – не преминул тут же вставить Витя Малышев, записной остряк и душа коллектива.

– Увянь, Меркуцио! – патетически воскликнул Тибальт – Андрей с биофака.

– Ах, пестики мои, тычинки! – Витя-Меркуцио прижал руку к груди и закатил глаза.

Все дружно засмеялись. Понятно, что все нервничают. Да еще и критики в зале сидят из комитета Фестиваля Молодежных студенческих театров. Алена Игоревна ещё раз оглядела труппу. Ромео, красавчик Антон, влюблено посматривал на блондинку Джульетту, Наденьку Нежданову. Толстушка Вера Самойлова украдкой сунула в рот кусок булки. Алена Игоревна погрозила ей пальцем: талантливая девушка, все роли назубок, но из-за аппетита своего так и просидит на второстепенных ролях.

Вера торопливо прожевала сдобу и завистливо окинула взглядом Наденьку Нежданову. И где справедливость в этом мире? Надька двух слов связать не может, текст вечно забывает, переигрывает, а все главные роли её. Вот и Ромео тоже ей достался. Она вздохнула. Чего бы она только не отдала, чтобы Антон хоть раз посмотрел на неё с таким обожанием. Вон как уставился, чуть слюни не пускает! Противно, аж!

Свет погас, из динамика полилась средневековая музыка в современной аранжировке – продукт студенческого креатива. Представление шло своим чередом. Зрители хлопали в нужных местах, двое критиков в первом ряду тихонько шептались.

– Немного затасканная тема, не находите, Андрей Петрович? – сказал один, тощий, с глубокими залысинами на интеллигентном лбу.

– Классика всегда в моде, Борис Сергеевич. Главное, как подать, – отвечал второй, плотного телосложения, с крупными чертами лица.

– В том-то и дело, театру нужна новая кровь, новая струя. Кого сейчас удивишь любовью.

– А Джульетта – ничего! – Андрей Петрович пригладил седые, но все еще местами густые волосы.

За кулисами Наденька-Джульетта ждала своего выхода. Сцена на балконе удавалась ей лучше всего. Она взялась за шаткие перильца. На третьей ступеньке шлейф платья зацепился за гвоздь, раздался треск, Джульетта ахнула, резко

повернулась и с грохотом обрушилась вниз.

Артисты оцепенели, потом бросились поднимать еле шелеющуюся Наденьку.

– Аааа! – вскрикнула она, увидав красные капли, обильно орошающие белое платье и отбыла в спасительный обморок.

Все растерянно уставились на оторопевшую Алену Игоревну.

А Ромео на сцене читал свой монолог: «... убей луну соседством: она и так от зависти больна, что ты её затмила белизною». В этом месте на балконе должна появиться Джульетта. Ромео с тревогой посмотрел наверх – балкон остался пуст.

Вера смотрела на обморочную Джульетту, потом перевела взгляд на шапочку, расшитую жемчугом, свалившуюся с Джульеттиной прелестной головки. Решение было спонтанным.

Пауза затягивалась. Ромео растеряно переминался с ноги на ногу. Но вот, наконец-то, он услышал скрип лестницы – на крохотном балконе показалась необъятная фигура в жемчужной сетке на распущенных волосах. «О, горе мне!» – воскликнула фигура. Ромео икнул и отпрянул. Из кулис выглянула Алена Игоревна и замахала руками: «Продолжай». Ромео на секундочку зажмурился и, как в омут с головой, продолжил: «Проговорила что-то. Светлый ангел...» Тут он ещё раз икнул, и сцепил зубы.

В зале оживились.

– Ого! Откормили девчонку! – раздался чей-то возглас. Критики встрепенулись и посмотрели друг на друга.

Ромео и Джульетта закончили диалог, попрощались, и Ромео на негнущихся ногах пошел к кулисам.

– Ромео, как мне жаль, что ты Ромео! – раздался сзади страстный призыв.

Ромео обернулся и выпучил глаза. С балкона тянула руки и зывала Джульетта-Наденька. Ромео снова икнул и прикрыл рот рукой. Из-за кулис ему опять махала Алена Игоревна. «Иди обратно», – прочитал он по губам и, шатаясь, пошел назад.

– Оригинально, – Борис Сергеевич открыл блокнот и резво застрочил в нем.

– Кровь на платье, как символ грядущей трагедии, – задумчиво произнес Андрей Петрович и тоже принялся что-то записывать.

Вера за кулисами тяжело дышала. Не успела она спуститься с балкона, радостно прислушиваясь к аплодисментам в зале, как Надька вдруг вышла из своего куриного обморока, обвела всех безумным взглядом и понеслась к лестнице. Никто не успел ни остановить её, ни даже крикнуть. И вот уже во второй раз Ромео обменивается с любимой клятвой верности. Алена Игоревна нервно кусала губы. Сцена на балконе закончилась, в зале раздались жидкие хлопki.

– Надя! – к Джульетте, осторожно спускающейся с лестницы, бросилась её подруга Ната-леди Капулетти. – Верка

уже твою роль отыграла!

Надя вытаращила глаза.

– Я хотела, как лучше! – выкрикнула Вера. – Сами говорили, что спектакль должен продолжаться, чтобы не случилось!

Алена Игоревна положила руку ей на плечо.

– Верочка, всё хорошо. Успокойся. Давайте все успокоимся и будем играть дальше.

– Правильно, Верунчик! – воскликнул Меркуцио. – Ты нашу Джульетку переиграла, вон, как тебе хлопали! Давай и дальше в том же духе!

Вера с Надей переглянулись.

– Да ни за что! – Надя решительно стащила с головы Веры шапочку. Вера потупилась. – Как я на сцену выйду в таком виде? – ахнула Надя, будто впервые заметив залитую кровью грудь. – А что у меня с лицом?

Пока Джульетта вытирала разбитый нос и размазанную тушь, Алена Игоревна мучительно искала выход. Другого платья для Джульетты не было.

– Да пусть Вера играет, – не унимался Меркуцио.

Вера с надеждой посмотрела на режиссера. Та на секунду задумалась.

– Нет уж! – вскочила Наденька. – Ещё чего! Это моя роль! – она поправила шапочку, провела рукой по длинным пепельным волосам и приготовилась к выходу на сцену.

Вера поникла. А ведь ей и, правда, так хлопали!

– Вера, соберись, – тихо приговаривала Алена Игоревна, помогая ей надеть головной убор кормилицы. – Осталось немного. В следующем спектакле подберём тебе что-нибудь интересное. Договорились?

Девушка уныло кивнула. В её ушах еще стоял гром оваций. Ну, может, не гром, но хлопали. А два дядьки в первом ряду, что-то оживлённо обсуждали, посматривая в её сторону.

Она отыграла свою сцену и вернулась за кулисы. Прислушалась к томным вздохам Джульетты. Ну, ведь переигрывает, ясно же! Разве так говорит влюблённая юная девушка? Дура! Ей стало так обидно. Вот она покажет всем, как надо играть!

Алена Игоревна осторожно выглядывала в зал. Критики о чём-то тихо шептались. Слава богу, последний акт. Скоро всё закончится. Фестиваль им, конечно, не светит. Обидно.

– Алена Игоревна! – испуганная Ната схватила её за руку. – Верка Надю отпихнула и на сцену вылезла!

Алена Игоревна ахнула, увидев Наденьку, глотающую злые слезы и раскинула руки, преграждая ей выход.

Лёгкий занавес у задника сцены поднялся, открыв бездыханную Джульетту на смертном ложе. Из противоположной кулисы на сцену выбежал Ромео и, не веря своим глазам, резко остановился, повел головой вокруг и дрожащими руками вынул склянку с ядом.

– Да уж, от такой только ядом избавишься, – выкрикнул

кто-то из зала.

Ромео проямлил текст, глотнул из склянки и повалился на пол.

Джुльетта-Вера открыла глаза.

– Где мой супруг? Ах!

Джульетта подбежала к Ромео и вытащила кинжал из ножен.

– Держите ее! – раздался вопль за кулисами, и на сцену фурией ворвалась Наденька.

– Отдай кинжал, Ромео мой! – вцепилась она в рукоять.

– Нет! – выкрикнула Вера. – Ты недостойна, ты пустышка! Его ты лишь за внешность любишь, а я люблю его за душу. Он мой! Его ты не получишь!

Зал замер. Ромео приоткрыл один глаз.

– Очнулся! – засмеялся кто-то из зрителей.

Обе Джульетты повернулись к Ромео. Тот крепко зажмурился. Вера дёрнула кинжал к себе, но Надя не думала так просто сдаваться.

– Отдай, – прошипела она, – отдай или получишь в рыло.

– Какой слог! – снова засмеялись в зале.

Вера вздрогнула, вспыхнув до самых корней волос, вырвала у худосочной Наденьки кинжал и замахнулась.

– Я в рыло? Нет, Ромео, милый! Зачем тебе худая крыса? К тому ж бездарная актриса?

– Так ее, мочи, Джульетка! – в зале явно сочувствовали Вере.

И она торжествующе ударила кинжалом Наденьку в грудь. Та охнула, получив болезненный удар пластмассовым лезвием, и отлетела в сторону, распластавшись на пыльном полу рядом с Ромео.

Вера обвела зал безумным взглядом.

– Любовь над бурей поднятый маяк, не меркнувший во мраке и тумане! – выкрикнула она, пронзая свою грудь. И упала под чей-то тихий всхлип. Тело её ещё колыхалось, как желе на блюде, глаза закатились, руки бессильно раскинулись в стороны. За кулисами застыла Алена Игоревна, схватив за руки Меркуцио и Тибальта. Зал молчал. Критики привстали со своих мест, вытягивая шеи.

На сцену выбежали Монтекки и Капулетти в сопровождении отца Лоренцо, и уставились на троицу, разлётшуюся на полу.

– Монтекки, руку дай тебе пожму, – спохватился, наконец, Капулетти.

– Я памятник ей в золоте воздвигну, – пробормотал Монтекки.

– Нет повести печальнее на свете... – сказали они хором и отвернулись, обнявшись. Плечи их тряслись.

– Она что и правда себя убила? – громко прошептал в зале девичий голос. – Вот ужас-то!

– Браво! – крикнул кто-то и захлопал. Вслед за ним захлопали все.

Ромео и обе Джульетты поднялись на ноги и смущённо

улыбаясь, принялись раскланиваться перед публикой. Труппа вышла на сцену. Зал неистовствовал. Пунцовая Вера прижимала руки к щекам. Мальчик лет десяти вышел на сцену, и немного потоптавшись, подбежал к ней и сунул в руки букетик. Вера схватила цветы и мальчика в охапку и расплакалась.

– Ну, что ж, коллега, как вам? – спросил один критик другого, поднимаясь с места. – Окровавленное платье – это, на мой взгляд, находка.

– А две Джульетты, как вам? Такой, на мой взгляд, символ двойственной природы женщины...

– А мне кажется, это фрустрация Ромео. Душой он любит невинную девушку, в то время как плоть стремится к такой, знаете, земной, настоящей женщине...

– Я бы сказал – депривация. В любом случае... А вот и наш гениальный режиссер! – они замахали руками Алене Игоревне. – Мы с коллегой потрясены. Не ожидали, если честно. Будем рекомендовать. Будем. Джульетта ваша просто находка. Находка! Порадовали нас сегодня. Да.

Вера в который раз нюхала скромный букетик. Ей было стыдно и радостно одновременно.

– Вер, – в дверь заглянул Витя Малышев-Меркуцио, – ты чего ждешь? Или кого? – Вера пожала плечами. – Пойдем, провожу, если не возражаешь. После того, что ты учудила, я твой раб навеки! – Витя подхватил её сумку с реквизитом. –

А если я не прав и лжёт мой стих, то нет любви и нет стихов моих!

Вера робко улыбнулась и послушно пошагала за ним к выходу.

Цуцик

Дождь, накрапывавший с неба весь день, наконец-то, разродился ливнем. Женька едва успела забежать под бетонный козырек автобусной остановки, потрясла мокрой челкой и опасливо покосилась на скамейку: вид отнюдь не вызывал доверия. Порывшись в сумке, извлекла файл с бумагами и задумчиво повертела в руках. Отчет за месяц. Наивная, она взяла его с собой, думая поработать в тишине, на природе. Женька смахнула с сиденья шелуху семечек, подстелила на скамейку и села. Сидеть было неудобно и зябко. Вот что такое не везет? Это когда надеваешь новые босоножки и легкий сарафанчик, а лето внезапно кончается. Какая странная закономерность: если утром, глядя на безоблачное небо, ты решительно выкладываешь из сумки зонт, то к вечеру обязательно придешь домой мокрая, словно цуцик. Женька плотнее запахнула кофту.

Впрочем, еще вчера можно было догадаться, что день будет не из легких. Зря она поехала к Наташке на дачу. В прошлый раз уже клялась, что больше в такую даль никогда без машины не поедет. Дача у подруги, конечно, в сказочном месте – в лесу возле Зеленогорска. Сосновый дух, черничные поляны, грибы, озерко с прозрачной водой и тишина. Тишина такая, что казалась невозможной. Там она спала, как убитая. Одна ночь такого сна заменяла ей неделю отдыха где-

нибудь на курорте. Но вот добираться до этой самой дачи без личного транспорта практически не реально. Час с лишним до Зеленогорска, оттуда на рейсовом автобусе еще минут сорок до двадцать второго километра и там еще по лесной дороге пилить и пилить.

Машина сломалась в аккурат накануне запланированной поездки. Но Наташка и слышать ничего не хотела.

– Ты и так ко мне не приезжаешь. Я все лето тут одна, как бирюк. Подруга ты или нет? Я тебя на остановке встречу и обратно потом до вокзала довезу.

Женька вяло отговаривалась, понимая, что поедет, никуда не денется. Будет трястись в душной маршрутке, морщиться от разных неожиданных запахов, замирать от страха на особо крутых виражах водилы-джигита. И почему она такая слабохарактерная? Наташка – так фиг чего сделает, ежели не захочет. Вот не захотела ее до остановки довезти и не повезла. «Да ладно, тут идти-то всего два километра! И автобусы ходят до станции. А я с похмела не поеду. У нас тут повадились в кустах засады устраивать. Знают, что по выходным каждый второй с выхлопом за руль садится». Женька ругнулась, чертыхнулась, в который раз давая себе слово, что к Наташке больше ни ногой и пошагала по раздолбанной грунтовке до шоссе.

Босоножкам каюк! Мало того, что все каблуки пообдира-ла, так еще и дождь начался. Все против нее. Она критически осмотрела мокрую обувь и поджала озябшие пальцы ног.

Под скамейкой мелькнула тень, и Женька с визгом вылетела из-под навеса под дождь. «Крыса! Гадость какая! Ай!» Она тихонько заскулила от страха, но все же вернулась и осторожно заглянула под лавку. Мокрая серая крыса все еще сидела в дальнем углу. Женька громко крикнула и топнула ногой. Крыса чуть шевельнулась и пискнула: «Мяу!»

Женька сидела на скамейке и мрачно смотрела на экран телефона. Если в ближайшие пять минут автобус не придет, она тут умрет от отчаяния. Ей холодно и грустно. И очень хочется плакать. Почему она сидит тут совершенно одна? Это не правильно. Почему нет надежного верного друга, который пришел бы на помощь, вызволил ее из беды, примчался бы на большой, обязательно черной машине, посадил в уютное теплое нутро, достал из бардачка термос с заранее приготовленным кофе, включил любимого Стинга и увез домой, к уютному плюшевому дивану и шерстяному пледу? Нет у нее такого друга. И она даже не знает почему. Ну, вот нет, не сложилось.

В обычные дни она даже рада была своей свободе и независимости. А что? «Хочу варенье ем, хочу конфеты лопаю», – так, кажется, в каком-то фильме говорили? Только вот позвонить сейчас некому. Да и кто это поедет в такую даль? Нет у нее таких друзей. Ни друзей, ни подруг, ни мужа, ни даже любовника. С последним своим парнем она рассталась месяц назад. «Ничего особенного, просто не сошлись характерами», – так она объясняла себе и окружаю-

щим. С подругами тоже, как-то не складывалось. Школьные куда-то все поразъехались, повыходили замуж, а новые знакомые по работе не спешили заводить близкую дружбу с молодой незамужней женщиной. Наташка, которая считала себя гуру психологии, с легкостью находила объяснения этому факту: «Приведи тебя в дом, а ты возьмешь, да и мужа уведешь. Кому это надо?»

Женька тряхнула головой. «Наташка тоже мне не подруга, – зло решила она, – хватит! Больше не позволю себя так унижать. Как ей что надо, так я все брошь и езжай к черту на куличики. А как меня до станции довезти, так она, видите ли, с бодуна! Сижу тут, как цуцик!»

«Мяу!» – хрипло донеслось из-под лавки. Женька вздохнула. Котенок был совсем крошечный, месяцу от роду. И как его занесло на эту богом забытую остановку? Она наклонилась и посмотрела на дрожащего зверька. «Даже не думай, – приказала она себе. – Тебе только кота в доме не хватало. К тому же он, наверняка, блохастый».

С громким скрипом, лязгая всем корпусом, мимо проехал желтый автобус. Она даже глазам не поверила. Нашарила сбоку сумку и ринулась следом, громко вопя и размахивая руками. Автобус уже тормозил, отчаянно стирая колodки на мокром асфальте. Дверь мягко чмокнула и отъехала в сторону, обдав ее теплом и запахом застарелого табака. Женька поставила ногу на ступеньку и схватилась за поручень, каблук у размокших босоножек подвернулся, и она

едва не клюнула носом об ступеньку. Водитель, немолодой дядька в кепке с изогнутым козырьком и дымящейся сигаретой во рту, терпеливо ждал, пока она, нелепо размахивая руками, не вернула себе равновесие.

– Чуть не проехал, – добродушно сказал он, выдыхая в ее сторону клубы белого дыма. Смотрю, нет никого. Чего спрятались-то? Вот проехал бы и усе! Следующий теперь только к вечеру. То-то.

Дядька явно гордился своей несказанной отзывчивостью. Женька от обиды на Наташку, на дождь, на автобус этот дурацкий уже открыла рот, чтобы поставить его на место, но замерла. Отчет!

– Подождите! – крикнула она и помчалась назад к бетонной коробке, разбрызгивая по сторонам воду в лужах.

– Уф! – она запрыгнула в салон, сжимая в руке папку с многострадальным отчетом.

Дядька сокрушенно покрутил головой и дернул за рычаги. Автобус рванул с места, и Женька повалилась на сиденье, в очередной раз подвернув каблук.

Автобус резво катил по шоссейке, елозя дворниками по лобовому стеклу. От мерного покачивания ее потянуло в сон. Женька чуть передвинулась на сиденье и сморщилась: острые коготки впились в тело сквозь тонкий сарафан. «Да не бойся ты! – она посмотрела на прижавшегося к ней всем телом котенка. – Не брошу я тебя. Ишь ты, цуцик!» Тот уже не дрожал, а только щурил глаз. Один. Второй у него припух

и плохо открывался. На мордочке виднелись засохшие стру-
пья. Женька болезненно сморщилась.

У них в доме никогда не было животных – она не знала почему. Но ей, в принципе, никогда и не хотелось. У подру-
ги в школе была собака, так мороки с ней! Гулять, кормить,
лечить. Женька вздохнула. Просто она вдруг почувствовала
необъяснимую жалость к этому несчастному потерявшему-
ся, а может брошенному котенку. Он тоже, наверное, сидя
под лавкой, жалел себя до слез, что нет никого, кто бы при-
шел, подхватил на руки, прижал к теплой груди, завернул
в мягкую кофту и увез к уютному плюшевому дивану и шер-
стяному пледу.

За стойкой регистратуры почему-то никого не было и она,
потоптавшись в коридоре, ткнулась в первую попавшуюся
дверь.

– Здравствуйте, – Женька вошла в кабинет и нерешитель-
но остановилась. Раньше ей не доводилось бывать в звери-
ных лечебницах.

– Да? – доктор оторвал взгляд от монитора и посмотрел
на девушку. Вообще-то сегодня у него не приемный день,
но старая клиентка очень просила посмотреть своего йори-
ка, и он приехал. Йорик с хозяйкой уже давно ушли, а он вот
задержался, наводя порядок в файлах. Но не выгонять же ее.
Вон какой у нее растерянный вид и под дождь, скорей все-
го, днем попала: на голове до сих пор торчат растрепанные

пряди.

– Вот, – она протянула ему сумку.

Тот кивнул на большой стол, и она поспешила поставить туда свою ношу. Доктор подошел и с любопытством заглянул внутрь.

– Да уж! – произнес он, извлекая на свет тощее лохматое создание. В дежурную клинику просто так в выходной никто не придет. – Усыплять? – спросил он, прикидывая, что вряд ли удастся пристроить такого заморыша. Опять маме на дачу. Бедная мама!

– Как? – не поняла Женька. – У него с глазами что-то. И еще блохи. Наверное. Я не знаю.

Доктор поднял котенка на ладони и повертел перед глазами. Тот смешно растопылив лапки, тихонько мяукнул.

– Чем кормите, сушкой, натуралкой? – спросил он.

– Сушкой? – с удивлением переспросила она. Разве коты едят сушки? – Ничем не кормлю. Вернее, я не знаю, чем его кормить. У меня ничего нет. Только кефир. А он его не пьет.

– Ха! – сказал он. И Женька впервые с удивлением посмотрела ему в лицо. Он улыбался какой-то странной улыбкой. – Вы его нашли?

– Как вы догадались? – не удержавшись, съязвила она. Доктор, не отвечая, все еще не спускал с нее глаз. – Нашла, – кивнула она. – Сегодня. Я даже не знаю, кто это. В смысле, мальчик или девочка, – сказав это, Женька смутилась.

– А вам кого бы хотелось? – спросил доктор.

Она пожала плечами и почувствовала, что краснеет. Что за дурацкий вопрос? Кого бы она хотела? Он так спрашивает, как если бы не про кота, а про что-то другое. И вообще, что за разговоры такие? Женька мрачно посмотрела на доктора. Станный он и шапка на нем эта смешная. Айболит какой-то. А глаза красивые. Голубые. Она поймала себя на том, что разглядывает его просто неприлично в упор.

Доктор меж тем положил котенка на стол и принялся осматривать, щупая ловкими пальцами. Из-под рукава халата показался манжет рубашки с запонкой. Надо же запонки! А руки какие! Пальцы длинные, с чистыми аккуратными ногтями. Такой в унитаз с вантузом не полезет. Хотя, ее бывший тоже за вантуз браться не спешил. Она вздохнула. Доктор быстро взглянул на нее, по-своему, вероятно, истолковав ее вздох.

– Ничего страшного. Конъюнктивит и истощение. Блох нет. Лишая нет. Правильное питание и уход и будет не кот, а красавец. Кстати, это мальчик. Как назовете?

– Цуцик, – буркнула она, досадуя на свои несвоевременные мысли.

– Прекрасно! – засмеялся доктор. – Цуцик и есть! Во всяком случае, пока. Прививку сегодня делать не буду. Пусть окрепнет. Придете через месяц. А пока я вам выпишу витамины, добавлять в корм, капли для глаз, и глистогонное. Ну и помойте его, конечно.

– Помыть? – переспросила Женька.

– Помыть, – подтвердил доктор. – Вас как зовут? – внешне спросил он.

От неожиданности она растерялась.

– Женя, – выдавила она, и тут же поправилась: – Евгения.

– Ух, ты! – хохотнул доктор. – И я. Тоже Женя, – пояснил он. – Евгений.

– Правда? – удивилась Женька.

– А вы где живете, Евгения? – спросил он, бросая взгляд на часы.

– А вам зачем?

– Затем, что вы, я вижу, ничего не понимаете в котах. Зато я на них собаку съел. Я помогу вам отмыть вашего Цуцика.

– Как это поможет? – не поняла она.

– Вот так просто приду и помогу. Одна вы с ним не справитесь, – и он улыбнулся.

И тут она тоже улыбнулась. Ну и что, что Айболит. Зато добрый и рубашка с запонками. А тот, который у нее был на большой и черной машине, сроду ничего не помыл бы, ни посуду, а уж тем более – кота.

Доктор, меж тем, снял халат и шапочку, поправил воротник у рубашки, провел рукой по волосам и снял с вешалки пиджак.

– Прошу, – распахнул он перед ней дверь.

– Вы прямо сейчас пойдете мыть моего кота? – вытаращила она глаза.

– Почему нет? Рабочий день закончен. А мыть котов – мое

хобби.

– Вы уверены? – спросила Женька.

– Никогда так не был уверен, как сейчас, – серьезно сказал он и посмотрел ей в глаза. А она ему. Подумала секунду, кивнула, подхватила сумку с Цуциком и вышла в коридор.

– Евгений Александрович, вы уходите? – спросила врача медсестра за стойкой.

– Да, Лариса Васильевна. Ухожу. На дежурстве сегодня Крылов. Если что я на связи. У нас лабрадорша на Петроградке щениться должна вот-вот. Я хозяйке обещал сам принимать. Так что буду в городе, на дачу уже не поеду.

Женька вертела головой во все стороны. Лариса Васильевна с пониманием кивала, руки к груди прижимала и, судя по всему, была от доктора в полном восторге.

– Подожди, – сказал Евгений, выйдя на крыльцо клиники. – Я сейчас машину подгоню.

– А мы что, уже на «ты»? – спросил она улыбаясь.

– Конечно, – уверенно кивнул он. – Чего кота за хвост тянуть?

– А ты всегда такой самоуверенный?

– Бог с тобой! – махнул он руками. Золотая запонка сверкнула на солнце, которое на секунду выглянуло из-за тучи. – Я всю жизнь во всем сомневался, перепроверял, ну и допроверялся.

– Это как?

– А вот так. Пока жену выбирал, выбирать стало не из ко-

го. Живу один. С собакой, вернее. У меня девочка, – с гордостью добавил он.

– А у меня мальчик, – похлопала она слегка по сумке. – И я тоже одна.

– Слава богу! – вздохнул Евгений. – А то я решил, что придется тебя отбивать. А я уже давно забыл, как это делается.

– И все же я не понимаю? – Женька недоверчиво посмотрела ему в глаза. – Это что любовь с первого взгляда?

– Не знаю, – пожал он плечами в ответ. – Просто, я подумал, что если девушка способна взять кота с улицы, то она мне подходит. Вопрос в том подхожу ли я тебе?

Женька неуверенно улыбнулась и переложила сумку из одной руки в другую.

Евгений кивнул ей и легко сбежал с крыльца. Она посмотрела ему в спину. Надо же, как халат скрывал его фигуру и рост, и широкие плечи. И вовсе он не Айболит. Она заглянула в сумку. Цуцик сощурил на нее здоровый глаз. Солнце снова выглянуло из-за тучки, послав на землю россыпь солнечных зайчиков, прыгающих в темных асфальтовых лужах. Как все-таки прекрасен этот мир, успела подумать она и уже не удивилась, когда прямо перед ней затормозила большая черная машина. Дверца перед ней распахнулась, и она услышала знакомую мелодию. Стинг. И тут она засмеялась. Что такое не везет? Это когда везет. Как же ей повезло, что машина сломалась, что Наташка напилась и что дома ее ждет

диван и плед, а теперь еще и Цуцик тоже будет ее ждать. А может и не только он.

А Цуцик, лежа у нее на коленях, негромко мурчал, потихоньку уплывая в царство нехитрых кошачьих снов, где всегда есть молоко в блюде, плюшевый диван и ласковые руки.

Холодильник мечты

Тамара Сергеевна считала себя женщиной умной, и в свои тридцать с маленьким, (ну, совсем-совсем масюсеньким) хвостиком, предпочитала учиться на чужих ошибках. Посему на звонок от некой компании «Дрим» тут же отреагировала с насмешкой в голосе, не дав собеседнику договорить:

– Спасибо, мне пылесос по цене автомобиля без надобности.

– Вы не поняли, – мужской голос был вкрадчив, как ша-ги ниндзя, – пылесосы не наша специфика. Я предлагаю чудо современной техники, разработки ведущих специалистов космических и военно-промышленных институтов – наш чудо-холодильник.

Тамара Сергеевна удивилась, но промолчала. Холодильники ей еще не предлагали. А голос в телефоне продолжал заливаться соловьем: встроенный телевизор, компьютер, микроволновка и прочее, прочее, прочее. Можно представить, сколько это стоит. Да и зачем ей этот суперхолодильник? У нее и старый еще хорош. Ухо ее выцепило кодовое слово – диета.

– Что, простите, он делает? Персональную диету разрабатывает?

– Не просто диету, а еще и многое-многое другое, – собеседник. – Ваша знакомая Светлана...

Тамара Сергеевна мысленно ахнула. Светка не так давно сменила аватарку. Тамара Сергеевна, конечно, решила, что без фотошопа не обошлось, а оно вон что! Всю жизнь подруга была квашня-квашней, а тут, гляди-ка, прямо фото-модель.

– И сколько же это чудо стоит?

– Дело в том, что продукция находится в стадии тестирования, и мы ищем добровольцев. Так что для вас это будет абсолютно бесплатно. На шестьдесят дней наш чудо-холодильник поступает в ваше полное распоряжение. Более того, после окончания тестирования, мы примем решение о том, кому достанется приз от нашей компании.

А, была не была, махнула рукой Тамара Сергеевна. Что она тупее Светки? Раз у той получилось, у нее и подавно.

В назначенный день холодильник мечты привезли к ней домой. Большой. Двустворчатый. Нежного салатového цвета.

– Встаньте сюда, – сотрудник компании колдовал над дисплеем, мигающим огоньками на левой дверце холодильника. На правой темнел прямоугольник еще одного экрана.

Из поддона холодильника выдвинулась прямоугольная пластина. Тамара Сергеевна робко встала на нее ногами. Дисплей загудел, засверкал огоньками и на экране вспыхнули цифры.

«Пол женский. Возраст – тридцать семь лет, рост метр шестьдесят пять. Вес – семьдесят пять килограмм».

– Э! – воскликнула Тамара Сергеевна. – Какие семьдесят

пять? Семьдесят! Да, у меня есть лишний вес, но не настолько же! Я вчера взвешивалась.

– Исключено, – покачал головой сотрудник. – Наши весы самые точные. Космические технологии. Итак, данные введены. Ему надо несколько минут, чтобы обработать и принять решение о вашей индивидуальной диете. Сколько бы вы хотели скинуть?

– Ну, не знаю, – Тамара Сергеевна пожала плечами. – Десять? – Она посмотрела вниз на свою талию. Грудь мешала обзору, но она и так знала, что талия далека от совершенства, а бедра и подавно вышли из-под контроля. И ведь ничего не помогает. Ничего. Ни диеты, ни фитнес, ни волшебные пилюли, ни экзотические ягоды годжи. – А пятнадцать можно?

– Хоть двадцать. Вопрос в том, на что вы готовы ради результата?

– На все! – Тамара Сергеевна почувствовала азарт.

Сотрудник компании улыбнулся и протянул ей планшет с листами бумаги. Тамара Сергеевна лихо подписала договор и сунула его на полку. Сотрудник компании откланялся и ушел.

Тамара Сергеевна долго стояла рядом с чудом техники и даже поглаживала рукой салатовую дверцу. «Дримсик», – проворковала она, потом всплеснула руками и принялась переносить продукты из старого холодильника в новый. Внутри Дримса царил идеальный порядок. Для каждого вида про-

дуктов имелась отдельная ячейка и в них перекочевали колбаска, сырок, яйца, молоко, зелень, овощи. Она разложила все по полочкам, сварганила себе крутой многослойный бутерброд, налила кофе, и довольная уселась перед телевизором. Дримс мирно гудел, помигивая лампочками.

Всю ночь ей снилась Светка в узком обтягивающем платье. Тамара Сергеевна вертелась и тяжело вздыхала.

На работу она проспала. Сунулась в холодильник и обомлела. Продуктов в Дримсе не было. Она зажмурилась и снова посмотрела. Не было колбаски, не было сырка, не было упаковки крабовых палочек.

– Э, что за шутки! – она слегка стукнула по дверце ладошкой.

Дримс загудел, из боковой панели выдвинулась суставчатая механическая рука со стаканом. Тамара Сергеевна взвизгнула от неожиданности, но стакана взяла. Понюхала. Не очень приятно пахло, но делать было нечего, и она выпила странный напиток, пахнувший каким-то силосом. Решив разобраться с коварным Дримсом вечером, она убежала на работу.

На работе, как всегда, случился аврал, начальство требовало отчет за последние полгода и не когда-нибудь, а прямо вчера, пообедать не получилось, потому после работы, голодная и злая, Тамара Сергеевна, закупилась от души продуктами, на ходу сжевав сэндвич с тунцом и запив баночкой кока-колы.

Дримс все также гудел и помаргивал. Тамара Сергеевна взялась за ручку, и тут из щели под монитором выполз лист бумаги. Диета?

– Смеешься, Дримсик? – хмыкнула она, прочитав список продуктов. – От такого питания ноги протянешь. Нет, тут я тебе не товарищ.

На дисплее загорелись зеленые буквы: «Положите продукты в холодильник». Тамара Сергеевна взяла в руки сумку и тут вспомнила утреннее недоразумение. Где-то, что она положила в Дримс вчера? Она открыла дверцы холодильника и внимательно осмотрела полки. Из продуктов остались только овощи, фрукты и баночка йогурта. Так-так. Все вредное Дримс, видимо, куда-то дел?

– Где моя колбаса? – спросила она Дримса.

В ответ Дримс крикнул. Снизу выдвинулась панель, на ней стоял плотно упакованный в полиэтилен брикет. Тамара Сергеевна с ужасом увидела безжалостно спрессованные продукты.

– Ах ты ж, гадина! Ты знаешь, сколько стоила эта колбаса?

Снова загорелась надпись: «Положите продукты в холодильник».

– А вот тебе! – Тамара Сергеевна показала Дримсу дулю.

«Положите продукты в холодильник», – не унимался настырный Дримс, мигая надписью. Тамара Сергеевна взяла пакет и направилась к своему старому холодильнику. Но не дошла. Волна какофонических звуков пригвоздила ее

к месту. Звук неся отовсюду. Он напоминал сирену воздушной тревоги и рёв Кинг-Конга одновременно. Тамара Сергеевна бросилась к Дримсу, с ужасом понимая, что не представляет, как отключать этот агрегат. Ни кнопки, ни тумблера. Но штепсель-то есть! Она торжествующе наклонилась и вырвала вилку из розетки. Но Дримс продолжал заливать-ся. Краем уха Тамара Сергеевна слышала яростные стуки по батарее. Где-то за стеной заходился ором ребенок. Тамара Сергеевна быстро побросала продукты в холодильник и закрыла дверь. Дримс смолк. В наступившей тишине слышалась беготня по лестнице и громкие крики перепуганных соседей. Сердце ее колотилось бешеным зайцем. Черт знает, что такое! Шантажист! Она хотела открыть холодильник, но двери не поддавались. Она дернула еще раз.

– Я есть хочу! Слышишь ты! Я без обеда сегодня и без завтрака! Ты моей смерти хочешь?

Снизу выдвинулась панель. «Встаньте на весы и положите руки на желтые круги». Тамара Сергеевна выпучилась на два желтых круга загоревшихся на дверцах холодильника.

– А хо-хо тебе не ха-ха?! Сам встань на весы, урод! – от злости она чуть было не пнула гадкого мучителя.

«Встаньте на весы и положите руки на желтые круги». Надпись на мониторе замигала и налилась кроваво-красным. А на соседнем экране вдруг пошли мелькать цифры: десять, девять, восемь, семь...

Тамара Сергеевна молча смотрела на этот обратный от-

счет и вздрогнула, когда сирена взвыла, ужалив ее в самое сердце, болезненно отдавшись в пустом исстрадавшемся желудке. Она поспешно запрыгнула на весы и положила руки на круги. Сирена стихла. Дримс пощелкал у себя внутри своим электронными мозгами и выдал: «Сделайте двадцать приседаний».

– Что? – Тамара Сергеевна уперла руки в бока, но, когда на панели все также пошел обратный отсчет, торопливо начала приседать.

Последний раз Тамара Сергеевна занималась физкультурой в институте, да и то нерегулярно.

– Ну, что, доволен? – пыхтя, она с трудом выпрямилась и оперлась рукой о холодильник. – Смерти моей хочешь? Давай! Вот твои изобретатели обрадуются.

Дримс мигнул дисплеем и выдал: «Ваш ужин готов, возьмите его, пожалуйста». Тамара Сергеевна, не веря глазам, открыла дверь и обомлела – продуктов в холодильнике не было, а все та же механическая рука протягивала ей стакан с какой-то бурдой. По вкусу бурда напоминала кошачий корм, и Тамара Сергеевна долго не решалась его выпить. Но есть хотелось просто смертельно, и она выпила, думая, что вот тут-то ее сразу и вывернет наизнанку, но как-то сдержалась.

– Ну, а чаю-то я могу хоть попить? – Тамара Сергеевна в сердцах кинула стакан из-под бурды в мусорку и поставила чайник на плиту. Отрезала от батона горбушку, посетовав, что нечего положить сверху и в ожидании закипания приня-

лась отщипывать белый мякиш.

Чайник вскипел, Тамара Сергеевна, заварила чай и усе-лась перед телевизором с кружкой. «Вот дела, – думала она, – этим горе изобретателям руки поотрывать по самое не могу». Булка показалась необычайно вкусной, пусть и без колбасы. Она со вздохом допила чай. Еще что ли съесть? Она вышла на кухню. Панель на дверце холодильника зажглась. «Встаньте на весы и положите руки на желтые круги». Тамара Сергеевна вздрогнула. И послушно встала на выехавшую панель. «Сделайте тридцать приседаний». Тамара Сергеевна, кусая губы, сдерживая слезы, принялась приседать. Во время незапланированных физических упражнений ей в голову пришла неожиданная мысль. Ради проверки она оторвала от батона изрядный кусман и, стоя прямо перед Дримсом, с остервенением сжевала его. Панель зажглась, и вскоре Тамара Сергеевна снова приседала. «Итак, – думала она под тугими струями душа, – этот гад заставляет меня приседать, как только я ем что-то не из его списка. И уничтожает продукты, по его мнению, вредные. Что делать?»

Договор лежал все там же на полке. Тамара Сергеевна сразу же полезла в конец многостраничного документа, и тут же набрала номер, указанный в реквизитах компании «Дримс»

– Да, Тамара Сергеевна, я ждал вашего звонка, – откликнулся мужской голос на том конце провода. – Вы хотите расторгнуть договор?

– А как вы думаете? – зло крикнула Тамара Сергеевна. –

Я не собираюсь быть вашей подопытной собачкой!

– Хорошо, – покорно согласились с ней. – Мы заберем наш аппарат. Сразу после того, как вы перечислите деньги.

– Ка-ка-какие деньги?

– Неустойку. По договору. Пункт сорок два-три.

Тамара Сергеевна вытаращила глаза, нецензурно выругалась, бросила трубку и принялась яростно листать договор. Вот! От суммы неустойки ей реально стало плохо. Давление поднялось, ноги противно задрожали, и она упала на диван, не в силах сказать ни слова, и только губы ее беззвучно шептали: «Падлы, какие же вы падлы».

С утра Тамара Сергеевна принялась названивать Светке. Та долго не брала трубку, и сдалась после того, как Тамара Сергеевна отправила ей сообщение: «Возьми трубку, стерва, или я расскажу Пашке, какого размера у него рога».

– Ну, и чего ты так нервничаешь? – лениво спросила подруга. – Ну, дала я им твой номер. Могла бы и не соглашаться. Я-то при чем?

– Приезжай. А лучше нет, давай в нашем кафе в час дня, – отрезала Тамара Сергеевна и бросила трубку. Приедет. Как миленькая, Пашка у нее тот еще ревнивец, Светка его, как огня боится.

– Что мне делать? – Тамара Сергеевна, нервно курила, стрельнув сигарету у Светки, которая дымила, не переставая.

– Что тут сделаешь? – пожала плечами подруга. – Терпи. Выполняй, что говорит и все. Так-то он смирный.

– Смирный?! Да он вчера такое устроил! Соседи, милицию вызывали. МЧС приезжало. Хорошо хоть не поняли откуда звук шел.

Светка иронично усмехнулась. Знала бы Томка, что ей пришлось пережить...

– Зато у тебя будет результат, – она вытащила очередную сигарету.

Тамара Сергеевна оглядела подругу. Да, некогда широкая, как Волга, а ныне, как тоненький ручеек, Светка голубела некогда румяным личиком.

– А что бледная такая?

– Да, так, – Светка махнула рукой, разгоняя клубы дыма. – Неприятности всякие.

– С Пашкой? – понимающе кивнула Тамара Сергеевна. Светка неопределенно хмыкнула. – Может по пять капель тогда? – предложила Тамара Сергеевна.

Светка облизнула сухие губы.

– Давай. А есть я не буду, не хочу.

– А я съем, – Тамара Сергеевна жадно впилась глазами в меню. – Стейк. С картошкой. Иначе все, капец мне. И еще десерт. Вот этот вот – «Малиновый закат».

Вечером, выполняя свою честно заработанную сотню приседаний. Тамара Сергеевна с упоением вспоминала малино-

вый вкус на губах и языке. Поэтому не кряхтела, как обычно, а только лишь слегка морщилась от боли в мышцах.

Через неделю она с удивлением перестегнула пояс на плаще на одну дырочку и покрутилась перед зеркалом. Ну, так-то лучше, конечно. Хоть какой намек на талию. Может, и правда потерпеть? Но терпеть не было никакой возможности. Утром, послушно выпивая стакан зеленой бурды, Тамара Сергеевна быстрее лани мчалась на работу, по дороге заскакивая в Макдональдс за плотным завтраком. Опаздывать она перестала. Работать начала, как бешеная, чтобы не засиживаться на работе, доделывая отчеты, а сдавать все в срок, чтобы успевать по дороге домой зайти в кафе и оторваться на стойках с картошкой.

Ну и Дримс не отставал. Количество приседаний достигло двухсот, потом трехсот. Коричневая бурда сменилась серо-бурой малиновой, с явным привкусом мочевины и клейстера. Но Тамара Сергеевна мужественно выпивала ее, зажав нос, на следующий день награждая себя за страдания очередным стойком и очередным десертом.

К концу месяца Тамаре Сергеевне пришлось пересмотреть гардероб. Брюки, ранее плотно обтягивающие крутые бедра, повисли на попе некрасивыми складками. Грудь опала и болталась в чашках бюстгалтера, как подтаявшее желе в креманке. Тамару Сергеевну это, конечно, беспокоило, но ненадолго. На следующий день Дримс, произведя контрольное взвешивание, выдал: «Двести пятьдесят приседа-

ний, двадцать отжиманий».

Тамара Сергеевна, долго пыхтела на полу, пытаясь хотя бы изобразить, если не отжаться по-настоящему. Потная, уставшая, она поплелась в ванну и там, в запотевшем от горячего пара зеркале, на нее взглянула вполне себе ничего так женщина, с крутыми бедрами и вполне себе талией, может и далекой пока от совершенства, но с намеком на оное.

На работе стали отвешивать комплименты. Причем не только женская часть офиса, а и мужская. Что было странно. Мужской офисный люд, обремененный чадами, женами и кредитами, остро реагировал только на совсем юную особь, иногда заносимую в недра маркетинговых джунглей неведомым ветром трудоустройства. А тут, на тебе – сподобились заметить, что среди них имеется незамужняя и весьма привлекательная дама. Тамара Сергеевна комплименты принимала, от двусмысленных шуток слегка розовела, не опровергая, но и не подтверждая слухи о наметившихся переменах в личной жизни.

Да и что говорить – личная жизнь у Тамары Сергеевны просто бурлила – дома, наедине с Дримсом. Битва не прекращалась ни на секунду. Она входила на кухню, как не передовую.

– Пицца Филадельфия, – докладывала она со злорадной усмешкой и добавляла: – Тирамису и капучино. А на ужин – салат оливье, люля-кебаб и яблочный штрудель.

Дримс начинал моргать лампочками и плеватьс

зами: «Триста приседаний, пятьдесят шесть отжиманий». А Тамара Сергеевна притворно сокрушалась: «Что-то мало, Дримсик. Капучино двойной был». Дримс на секунду замирал, видно, заново производя расчеты, и снова принимался гудеть, смешивая в металлических недрах адскую смесь напитка.

Но вот однажды к Тамаре Сергеевне пришел мужчина. И не хотела она его приглашать прямо уж сразу в дом, но так уж вышло. Мужчина был холост, являлся каким-то маркетологом из соседнего филиала и приехал к ним обмениваться опытом. Как водится, обмен опытом свелся к традиционному распитию чая и других красно-коричневых напитков. Что-то пошло не так, и гость сник, не успев даже сказать, в каком отеле соизволил остановиться.

Сослуживцы вызвали такси, погрузили в него полусонного командировочного, и туда же усадили Тамару Сергеевну – вроде как по пути им было. В чем она, конечно, сильно сомневалась, но в тот момент и сама была не слишком в трезвом уме, потому-то, отчаявшись добиться от коллеги адреса проживания, махнула рукой и повезла непрошеного гостя к себе. Затаскивая мужчину в прихожую, ее вдруг кольнула мысль – а что если Дримсу гость не по нраву придется? Но менять что-либо было уже поздно, и Тамара Сергеевна пристроила гостя на диван.

Пока она суетилась вокруг Константина Андреевича, так, кажется, его звали, Тамара Сергеевна со страхом прислу-

шивалась к звукам с кухни. Дримс не терпел проволочек – взвешиваться надо было сразу по приходу. Тамара Сергеевна с тоской ожидала экзекуции – красное вино, щедро употребленное ей в процессе обмена опытом, взывало к покою и вдумчивому созерцанию сновидений, а не к спортивным экзерсисам. Но Дримс молчал. Она осторожно заглянула к нему на кухню. Зеленый глаз тихо помаргивал. Ни весы не вышли из своего тайного убежища, ни монитор не включился. Тамара Сергеевна благодарно погладила салатный бок и понесла свою усталость в ванную.

Утром она нежилась в постели, помятая о том, что вроде как выходной, и тут ее подбросило: у нее в комнате спит малознакомый мужчина. Караул! Ей все-таки не шестнадцать, и по утрам все тридцать с хвостиком, как говорится, на лице. Она тихонько пробралась в ванную и почти час наводила красоту. А когда вышла, застала душераздирающую картину: ее Дримс со свороченным набок монитором, стоял, распахнув обе свои салатные дверцы, а в его внутренностях, отключив зад, копался ночной гость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.